

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.М. Кремлевский

**Идеальное всепасытство,
раскрытое в девятой заповеди
блаженства**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 8. С. 190-209.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Идеальное всепастырство,

раскрытое въ девятой заповѣди блаженства.

ВНИМАТЕЛЬНОЕ и безпристрастное изученіе священныхъ писаній Новаго Завѣта приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что Пастырство, какъ дѣло ученія и спасенія вѣрующихъ, установлено Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ и должно существовать «до скончанія вѣка».

И вотъ съ древнѣйшихъ временъ въ Церкви Христовой выдѣлилось особое *духовное сословіе* или іерархія, клиръ, духовенство. И самая Церковь какъ бы раздѣлилась на два лагеря: духовныхъ и мірянъ, клиръ и народъ. А въ западной римско-католической части ея это раздѣленіе дошло до высшихъ предѣловъ. Кліръ пользуется тамъ не только особыми правами служенія, но имѣетъ особо привилегированное положеніе въ Церкви; претендуетъ на безусловное подчиненіе себѣ мірянъ въ дѣлахъ вѣры безъ всякаго разсужденія и участія ихъ, приписываетъ себѣ право на исключительное знаніе христіанства вплоть до непогрѣшимости, лишаетъ мірянъ чаши крови Христовой и пр.

Такое самопревозношеніе римско-католическаго духовенства для православнаго мышленія совершенно неприемлемо. Оно-то и побудило Лютера и другихъ протестантовъ защищать совершенно обратное, то положеніе, что право на Пастырство принадлежитъ цѣлой христіанской общинѣ, всѣмъ христіанамъ. И протестанты были бы недалеко отъ истины, если бы сумѣли ограничиться протестомъ противъ однихъ только крайностей римско-католическаго ученія.

Дѣйствительно, строго говоря, всѣ вѣрующіе призваны къ христіанскому Пастырству, поскольку призваны они къ христіанскому совершенству. Въ идеальномъ смыслѣ Пастырство христіанское есть христіанское совершенство, результатъ и выраженіе высшей христіанской настроенности. И только тотъ можетъ быть идеальнымъ пастыремъ, кто, пройдя пути христіанскаго развитія, готовъ оставить все и идти за Христомъ, не только слѣдуя Его ученію, но и подражая Его дѣлу. Дойдя до такой степени усвоенія христіанственности, когда воля его сливается съ волей божественной, христіанинъ неизбежно становится на путь христіанскаго Пастырства. Жизнь и дѣла его являются тѣмъ, что соль для земли и свѣтъ для міра. Усвоенное имъ христіанство само будетъ свѣтить чрезъ него, какъ зажженная свѣча. И не можетъ остаться въ неизвѣстности, безъ просвѣтительнаго вліянія на другихъ, какъ городъ, стоящій на горѣ, не можетъ укрыться отъ взоровъ людскихъ. Въ этомъ смыслѣ справедлива протестантская теорія христіанскаго все-священства. Христіанское Пастырство въ идеалѣ есть всепастырство, такъ какъ всѣ безъ исключенія христіане призваны къ высшему совершенству.

Во всемъ Евангеліи есть одно только мѣсто, въ которомъ кратко и выразительно описывается христіанская жизнь во всей ея совокупности отъ начала до конца и притомъ въ прямой, логической постепенности. Это—живая лѣстница добродѣтелей, обнимающихъ всю жизнь христіанина. И вотъ здѣсь, на послѣдней, девятой ступени, заканчивающей психологическій путь логически развивающейся христіанственности, христіанское совершенство очевидно переходитъ въ Пастырство и сливается съ нимъ. Рѣчь Господа отличается здѣсь особенной вдохновенностью и принимаетъ субъективный тонъ («вы»), обращаясь къ тѣмъ ближайшимъ слушателямъ, которые первыми пошли за Христомъ и явились идеальными пионерами Пастырства. И самое совершенство, являющееся результатомъ христіанскаго развитія, выразительно изображается здѣсь тѣми чертами, которые описываютъ сущность христіанскаго Пастырства.

Девятая заповѣдь блаженства, въ связи съ дальнѣйшими словами: Матѳ. 5, 13—16, является, такимъ образомъ, очевиднымъ протестомъ противъ привилегированности особаго пастырскаго сословія въ римско-католическомъ духѣ. Чтобы уяснить православное понятіе о Пастырствѣ, свободное отъ

крайностей западнаго богословія, находимъ нужнымъ разсмотрѣть указанное мѣсто Евангелія, подвергнувъ слова его тщательному экзегетическому анализу.

I.

Самостоятельность девятой заповѣди блаженства.

Девятая заповѣдь блаженства по евангелисту Матоею (5, 11—12) читается такъ:

«Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески несправедливо злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ: такъ гнали пророковъ, бывшихъ прежде васъ» ¹⁾.

По редакціи евангелиста Луки (6, 22—23) немного иначе:

«Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ люди, и когда отлучатъ васъ, и будутъ поносить и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына человѣческаго. Возрадуйте въ тотъ день и возвеселитесь; ибо велика вамъ награда на небесахъ: такъ поступали съ пророками отцы ихъ» ²⁾.

Во всей экзегетической литературѣ римско-католиковъ и протестантовъ ступевывается самостоятельность этого послѣдняго блаженства ³⁾. За исключеніемъ Wittichen'a и Delitzsch'a, всѣ западные комментаторы древняго и новаго времени въ отношеніи счета блаженствъ раздѣляются на двѣ группы: одни находятъ восемь блаженствъ, другіе всего лишь семь ⁴⁾. По-

¹⁾ Μακάριοι ἐστε ὅταν ὀνειδίζωσιν καὶ ἐπώσιν πᾶν πονηρὸν καθ' ὑμῶν ψευδόμενοι ἐνεκεν ἐμοῦ. Χαίrete καὶ ἀγαλλιᾶσθε, ὅτι ὁ μισθὸς ὑμῶν πολλὸς ἐν τοῖς οὐρανοῖς, οὕτως γὰρ ἐδίωξαν τοὺς προφῆτας τοὺς πρὸ ὑμῶν.

²⁾ Μακάριοι ἐστε ὅταν μισήσωσιν ὑμᾶς οἱ ἄνθρωποι, καὶ ὅταν ἀπορίσωσιν ὑμᾶς καὶ ὀνειδίσωσιν καὶ ἐξβάλωσιν τὸ ὄνομα ὑμῶν ὡς πονηρὸν ἐνεκεν τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου. Χάρητε ἐν ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ καὶ σικιτήσῃτε, ὅτι ὁ μισθὸς ὑμῶν πολλὸς ἐν τῷ οὐρανῷ. Κατὰ τὰ αὐτὰ γὰρ ἐποίησαν τοῖς προφῆταις οἱ πατέρες αὐτῶν.

³⁾ Впрочемъ, Wittichen, не связанный тенденціями того и другого, говоритъ о „девяти блаженствахъ“, хотя и онъ, надо полагать, считаетъ только μακάριοι, а не самое содержаніе. Delitzsch, по свидѣтельству Achelis'a, Tholuck'a, Lange и др., раздѣляетъ 11 и 12 стихи на два блаженства и такимъ образомъ считаетъ десять блаженствъ. Эта произвольная натяжка объясняется исключительно тенденціей автора—въ самомъ числѣ законовъ новозавѣтнаго царства найти соотвѣтствіе съ ветхозавѣтнымъ закономъ Божиимъ.

⁴⁾ Чтобы не иснещрять и не удлиннять страницы названіями цитуемыхъ сочиненій, въ текстъ и въ примѣчаніяхъ будутъ указываться

слѣдніе доказываютъ свое мнѣніе тѣмъ, что а) восьмое требование есть повтореніе перваго (Anselmus, Alph. Tostatus, Meyer, Wichelhaus) и что б) оно не представляетъ такого требованія, которое было бы подобно предыдущимъ, но есть или обобщеніе всѣхъ (Anselmus. Lange), или начало новаго отдѣла (Bern. Weiss, Hahn) или переходъ къ дальнѣйшему вмѣстѣ съ 11—12 стихами (Olshausen).

Но во-первыхъ, совершенно непонятно, какимъ образомъ: «блаженны изгнанные за правду» тоже, что «блаженны нищіе духомъ». Если дѣлить блаженства по обѣщаніямъ, которые высказываются въ каждомъ блаженствѣ, то это было бы справедливо; но такой принципъ дѣленія не признается самими сторонниками разсматриваемаго мнѣнія. Поэтому, хотя обѣтованія въ 3 и 10 стихахъ одинаковы, но условія для полученія блаженства различны. Во-вторыхъ, утвержденіе Lange, что 10—12 стихи представляютъ обобщеніе семи блаженствъ¹⁾, по меньшей мѣрѣ произвольно и безосновательно. Что здѣсь «выступаетъ отношеніе вѣрующихъ къ міру», это не есть достаточное основаніе; такъ какъ отношеніе къ міру уже выступало въ пятомъ и седьмомъ блаженствахъ. Сказать, что здѣсь выступаетъ отношеніе міра къ вѣрующимъ, было бы яснѣе и давало бы Lange больше основаній: «вы исполнили требованія закона Христова, выраженнаго въ семи блаженствахъ, а міръ воздастъ вамъ за это ненавистью и преслѣдованіемъ». Положительнаго требованія, подобнаго предыдущимъ, здѣсь въ 10—12 стихахъ можно бы такимъ образомъ и не видѣть, кромѣ развѣ терпѣнія. Но Lange почему-то не перевелъ словъ Спасителя въ такомъ именно видѣ. Взамѣнъ этого онъ выставилъ другое основаніе своей мысли: съ седьмымъ блаженствомъ высочайшая цѣль достигнута: «они назовутся сынами Божиими». Какъ будто для Lange не очевидно, что въ обѣтованіяхъ блаженствъ нѣтъ никакой постепенности, что «царство небесное» перваго блаженства нисколько не ниже обѣтованія седьмого и что «царство небесное» такъ же можетъ быть названо высочайшею цѣлью, какъ и наименованіе сынами Божиими. Справедливо, что первыя семь блаженствъ

только фамиліи авторовъ, а названія ихъ трудовъ будутъ помѣщены въ концѣ настоящей статьи.

¹⁾ Zusammenfassung der sieben allgemeinen Makarismen in zwei angewandten Makarismen (p. 56).

по выраженію нѣсколько отличаются отъ двухъ послѣднихъ. Тамъ, очевидно, перечисляются положительныя нравственныя качества; здѣсь же, повидимому, выставляется только преслѣдованіе вѣрующихъ міромъ. Оставляя для дальнѣйшаго выясненіе положительнаго предмета двухъ послѣднихъ заповѣдей блаженства, теперь мы можемъ удовлетвориться тѣмъ, что эти заповѣди построены по той же самой формѣ, по какой построены и всѣ предъидущія. И пока защитники седмичнаго счета блаженствъ не дадутъ достаточнаго объясненія того, почему два послѣднихъ блаженства имѣютъ свои μακάριοι и свои обѣтованія, до тѣхъ поръ ихъ мнѣніе не будетъ имѣть права на достовѣрность.

Поэтому, гораздо справедливѣе большинство ученыхъ присоединяетъ къ числу блаженствъ и восьмое μακάριοι, хотя не рѣшается тоже сдѣлать и съ девятымъ ¹⁾. Всѣ они оправдываютъ себя тѣмъ, что 11 стихъ не имѣетъ особаго предмета рѣчи, но есть повтореніе 10-го въ примѣненіи его къ ближайшимъ ученикамъ Христовымъ. При этомъ: одни ²⁾ видятъ восьмое блаженство въ двухъ послѣднихъ μακάριοι вмѣстѣ (т. е. въ 10 — 12 стихахъ), другіе ³⁾ 11 стихъ читаютъ отдѣльно отъ 10-го, т. е. не подводятъ его подъ восьмое блаженство, а признаютъ какъ бы вставкой, сдѣланной для укрѣпленія учениковъ, которымъ предсказываемыя бѣдствія могли показаться неожиданными и страшными; третьи ⁴⁾ съ 11-го стиха начинаютъ новый отдѣлъ рѣчи Спасителя, причемъ 11 стихъ является лишь переходъ къ дальнѣйшему ⁵⁾. При всемъ этомъ разногласіи комментаторы однако сходятся въ томъ, что 11-му стиху не придаютъ ничего новаго въ сравненіи съ 10-мъ: онъ лишь болѣе подробно излагаетъ ту самую мысль, которая, будучи высказана сначала вообще, примѣняется здѣсь къ уче-

¹⁾ Augustinus, Hilarius, Chromatius, Opus imperfectum, Druthmarus, Rupertus, Arnoldus, Pasch. Radbertus, Arndt, Tholuck, Maszl, Maldonatus, Starke, Bisping, Schanz, Bleek, Keil, Achelis, Ibbeken, Pölzl, Tirsch, Bahnsen. Holtzmann, Knabenbauer и друг., изъ нашихъ — Θεοφάνη Προκοповичъ.

²⁾ Hilarius, Chromatius, Rupertus, Maldonatus, Tholuck, Keil, Bahnsen, Θεοφάνη Προκοповичъ и др.

³⁾ Augustinus, Opus imperfectum, Druthmarus, Arnoldus, Pasch. Radb., Kuinoel, Maszl, Meyer, Pölzl и др.

⁴⁾ Paulus, Achelis, Knabenbauer, Hugo Weiss.

⁵⁾ Schanz, Olshausen и Meyer такой переходъ начинаютъ съ 10-го стиха.

никамъ Христовымъ. «Начертанный въ 10 стихѣ общій образъ будущаго преслѣдованія повторяется здѣсь по отношенію къ апостоламъ еще въ сильнѣйшихъ краскахъ» (H. Weiss, Holtzmann и др.).

Но если и ограничивать весь предметъ девятаго «блаженны» отношеніемъ міра къ послѣдователямъ Христовымъ, то и въ такомъ случаѣ никакъ нельзя сказать, что оно не даетъ ничего новаго, а есть лишь «повтореніе» и «раскрытіе» предъидущаго ¹⁾. Это раскрытіе можно представлять въ такомъ видѣ, что 11 стихъ или «раздѣляетъ на свои части» ²⁾ то, что сказано въ 10 стихѣ, «изображая видъ и способъ, какъ міръ откроетъ свое преслѣдованіе противъ учениковъ Господа» (Arndt, 101 p.) или «подробнѣе иллюстрируетъ» мысль 10-го стиха ³⁾. Въ первомъ случаѣ διώκειν (10 стиха) = διώκειν + ὁνειδίζειν + εἰπεῖν πᾶν πονηρόν (11 стиха), т. е. является лишь частью самого себя, во второмъ διώκειν раскрывается чрезъ самого себя + ὁνειδίζειν καὶ εἰπεῖν πᾶν πονηρόν. Въ томъ и другомъ случаѣ одна и та же величина является гораздо больше самой себя. Это явленіе замѣтилъ уже самъ Kuinoel и опасаясь повторенія διώκειν, вслѣдъ за Безой объясняетъ его тѣмъ, что въ 10 стихѣ оно имѣетъ иной общій смыслъ по отношенію къ διώκειν 11 стиха, которое здѣсь = καταγορεύειν. Но на какомъ основаніи возможно такое произвольное разграниченіе понятій одного и того же слова, совершенно неясно и потому справедливо возстаетъ за истину Fritzsche, отвергая sensus forensis въ словѣ διώκειν ⁴⁾.

¹⁾ Erläuterung (Tholuck), applicatio, repetitio (Knabenbauer) Explication (Bisping.) и пр.

²⁾ In suas quasi partes dividens... (Knabenbauer, 195, cf. Anselmus); «болѣе пространно повторяетъ добродѣтель восьмого блаженства и полнѣе излагаетъ виды преслѣдованій за правду» (Pasch. Radbertus).

³⁾ Accuratus illustratur sententia, quae praecessit (Kuinoel, 121).

⁴⁾ Любопытно прослѣдить, какъ слово διώκειν обличаетъ отношеніе экзегетовъ къ 11 ст. въ связи его съ 10-мъ. Kuinoel, который слѣдуетъ за Безой, говоритъ: «слово διώκειν нужно понимать не въ томъ смыслѣ, какъ въ предидущемъ стихѣ, т. е. въ смыслѣ преслѣдованій вообще (de vexationibus in genere), ибо въ такомъ случаѣ одно и то же было бы сказано дважды, а для повторенія нѣтъ никакого достаточнаго основанія». И Kuinoel вслѣдъ за Безой толкуетъ διώκειν, какъ verbum forense, т. е. accusare, item intendere (обвинять, начинать дѣло, тяжбу) = греческому καταγορεύειν, причемъ ссылается на Ксенофонта, Плутарха, Еврипида. Тенденція у него очевидна, — защитить свое мнѣніе о томъ, что въ 11 ст.

Между тѣмъ къ этому слову прибавляются совершенно новыя черты, которыя и въ другихъ мѣстахъ Св. Писанія отличаются отъ διώκειν ¹⁾). Ненависть міра не ограничивается здѣсь грубымъ внѣшнимъ преслѣдованіемъ, но переходитъ въ тонкое издѣвательство, которое иногда глубже поражаетъ и труднѣе переносится. Человѣкъ, сильно преданный правдѣ, часто безъ особеннаго труда переноситъ внѣшнія лишенія за правду. Но не всякій добродѣтельный человѣкъ можетъ переносить незаслуженное злословіе, укоръ въ преступленіяхъ, въ которыхъ неповиненъ и т. д. ²⁾). Поэтому признать въ 11 стихѣ раскрытіе или повтореніе 10 стиха положительно невозможно даже и въ томъ случаѣ, если отношеніе міра къ вѣрующимъ вообще и ученикамъ Господа въ частности признать логическимъ под-

accuratius illustratur sententia quae praecessit (p. 121).—Напротивъ *Fritsche*, современникъ и достойный противникъ Kuinoel'a, выходя собственно изъ той же тенденціи, рѣзко противъ него и Безы утверждаетъ, что „упоминаніе о притѣсненіяхъ, переносимыхъ въ судахъ, странно видѣть тамъ, гдѣ писатель хотѣлъ собрать цѣлый родъ наносимыхъ обидъ словами и дѣлами“. Что въ 10 ст. говорится вообще и ко всѣмъ (generalis sententia universe), въ 11 ст. то же, обращенное къ апостоламъ излагается подробнѣе... Поэтому διώκειν, частице раскрывая сказанное прежде, = si reprobris vos lacessierint et exagitaverint (p. 207—208), т. е. будутъ наносить поношенія, позоръ, будутъ постоянно безкоконъ и мучить. — *Tholuck* (p. 113) говоритъ, что „διώκειν 11-аго ст. слѣдуетъ понимать не какъ общее, подобно 10-ому ст., но какъ видовое, почему его и нельзя принять въ классическомъ значеніи— persequi judicio, ибо для этого греки употребляли καταγορεύειν“. И *Tholuck* понимаетъ его, какъ „преслѣдованіе дѣломъ“.

Итакъ: и Kuinoel и *Fritsche* и *Tholuck* въ 10 ст. видятъ общую мысль (in genere, universe, allgemein), по отношенію къ которой 11 ст. является болѣе подробнымъ раскрытіемъ. Но тогда какъ первый въ словѣ διώκειν 11-го ст. находитъ одинъ видъ (судебный) понятія διώκειν 10-го ст., второй видитъ въ немъ полное раскрытіе послѣдняго, т. е. по существу то же, что и послѣднее, хотя по объему болѣе широкое. Пониманіе *Tholuck*'а который вмѣстѣ съ *Fritsche* отрицаетъ sensus forensis, хотя и хочетъ видѣть въ διώκειν 11-го ст. только species διώκειν 10-го ст., на самомъ дѣлѣ весьма не опредѣленно; и *Tholuck* не разъясняетъ, какой „видъ“ разумѣетъ онъ. Дѣлая сравнительную оцѣнку указаннымъ авторамъ съ ихъ собственной точки зрѣнія, слѣдуетъ предпочесть послѣдовательность Kuinoel'a.

¹⁾ См. напр. 1 Кор. 4, 12—13; Мѣ. 10, 22—23; ср. 1 Петр. 3, 16; 4, 14 и пр.

²⁾ „Злословіе поражаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ самыя дѣла“ говоритъ І. Златоустъ и указываетъ на Іова, который перенесъ страшныя мученія, но не стерпѣлъ, когда друзья стали укорять его, и смутился (*Montfaucon*, p. 220—221).

лежащимъ 10 и 11 стиховъ. Слѣдовательно, и девятое $\mu\chi\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\iota\varsigma$ не есть то же, что восьмое, но совершенно новое и самостоятельное.

Не имѣя возможности защитить себя съ этого пункта, комментаторы прицѣпляются къ другому и почти безсознательно переносятъ подлежащее рѣчи на $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\chi\epsilon\nu\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$. Хотя, говорятъ, отношеніе міра къ послѣдователямъ Христовымъ изображается здѣсь въ новыхъ сильнѣйшихъ краскахъ, однако причина этого враждебнаго отношенія одна и та же, какъ въ 10 стихѣ, такъ и въ 11-омъ т. е. $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\chi\epsilon\nu\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$ то же, что $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\chi\alpha\ \delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta\varsigma$ propter me = propter justitiam ¹⁾. Но если бы Иисусъ Христосъ желалъ именно повторить, хотя и въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ то, что сказалъ прежде, то это и было бы ясно въ самомъ текстѣ. Тогда мы имѣли бы въ 11 стихѣ повторенное $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\chi\alpha\ \delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta\varsigma$ а не $\acute{\epsilon}\nu.\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$; или по крайней мѣрѣ пропускъ его, а не замѣну другимъ новымъ словомъ.

Правда, исторія представляетъ нѣсколько данныхъ въ пользу того и другого. Такъ по указанію Tischendorfa Tregelles'a и Sabatier, propter justitiam читаютъ: Da bcg¹k, т. е. слѣдующіе codices versionis veteris latinae: cod. Bezae Cantabrigiensis graeco-latinus = D ²⁾, cod. Vercellensis = a ³⁾, cod. Veronensis = b ⁴⁾, cod. Colbertinus = c ⁵⁾, cod. olim Sangermanensis = g ⁶⁾, cod. Taurinensis = k ⁷⁾. Но такое слишкомъ незначительное количество сравнительно неважныхъ кодексовъ не можетъ опровергать истинность принятаго чтенія, которое

¹⁾ Arnoldus, Robertus Stephanus; Meyer — $\acute{\epsilon}\nu\ \delta\iota\kappa.$ ist der Sache nicht verschieden von $\acute{\epsilon}\nu.\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$ 11 v.; Kuinoel $\delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta$ est veritas, religio christiana, quod $\acute{\epsilon}\nu.\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$ 11 v. (121 p.); Arndt. — $\acute{\epsilon}\nu.\ \delta\iota\kappa$ = um Christi willen (99 p.), въ доказательство чего Gratz ссылается на „древнюю Вульгату и многіе (?) греческіе кодексы“, въ которыхъ вмѣсто $\acute{\epsilon}\nu.\ \acute{\epsilon}\mu\omicron\upsilon$ находится $\acute{\epsilon}\nu.\ \delta\iota\kappa\alpha\iota\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta\varsigma$ (p. 294); Hugo Weiss — um meinetwillen dem um der Gerechtigkeit willen des v. 10 entspricht (p. 28) Ср. Schanz. Pözl, de-Wette, Knabenbauer, Ibbeken и др. Θεοφάνης Προκοποῦνιτς: тоже есть страдати правды ради, еже и Христа ради“ (стр. 104 обор.).

²⁾ Saeculo fortasse sexto medio in Occidente exaratus (C. R. Gregory. Prolegomena. Pars altera. Vid. p. 369—372).

³⁾ Saeculo ut videtur quarto scriptus, fortasse manu Eusebii episcopi Vercellensis et martyris († 371). C. R. Gregory. Prolegomena. Vol. III. Leipzig. 1894. Vid. p. 952—960.

⁴⁾ Cod. bibliothecae capitularis, saec. V. (ibid.).

⁵⁾ Paris. nation biblioth., saec. XII (ibid.).

⁶⁾ Cod. Paris. nation. latinis, saec. VIII (ibid.).

⁷⁾ Nation. germ. olim Boblinensis, saec. V (ibid.).

находится въ самыхъ древнѣйшихъ кодексахъ, каковы: синайскій, ватиканскій, александрійскій; сирійскія версіи: куретоніевская и пешито и всѣ другіе кодексы и версіи, кромѣ указанныхъ латинскихъ. Правда Sabatier какъ будто имѣлъ подъ руками чтеніе *ἐνεκα δικαιοσύνης* въ какихъ-то греческихъ кодексахъ, но какіе это кодексы онъ не указалъ и ни Tischendorf'у ни Tregelles'у они не извѣстны, а потому ссылка Gratz'a на «многіе греческіе кодексы», въ которыхъ будто бы читается *ἐν δικαιοσύνης* остается голословною. Чтеніе *propter justitiam*, такимъ образомъ, можно считать исключительнымъ, т. е. вовсе не первоначальнымъ, лишь плодомъ личнаго пониманія переписчиковъ и переводчиковъ. Произвольность этого чтенія, не отрицаемая самими защитниками тожества 11 стиха съ 10-мъ, такъ какъ они совершенно не думаютъ вносить это чтеніе въ текстъ, ясно сквозить у Хромація аквилейскаго, Люцифера калаританскаго и Климента александрійскаго. У перваго—двѣ довольно свободныхъ редакціи 11 стиха, отличныхъ отъ *Itala* и *Vulgata*, причемъ, кромѣ другихъ разногласій одна читаетъ *propter justitiam*, другая совершенно опускаетъ его ¹⁾. Еще болѣе свободно чтеніе Люцифера, которое не имѣетъ ни *propter me* ни *propter justitiam* ²⁾.

Нѣкоторую особенность представляетъ Климентъ александрійскій, который повидимому смѣшиваетъ восьмое и девятое блаженства, считая *ἐνεκα δικαιοσύνης* за одно съ *ἐνεκεν ἐμοῦ*. Справляемся ³⁾ и читаемъ: *Μακάριοι, φησὶν, οἱ δεδιωγμένοι ἐνεκεν δικαιοσύνης ὅτι αὐτοὶ υἱοὶ Θεοῦ κληθήσονται ἢ ὡς τινες τῶν μετατιθέντων τὰ εὐαγγέλια, μακάριοι, φησὶν, οἱ δεδιωγμένοι*

¹⁾ Въ „*Sermo de octo beatitudinibus*“ находится: *beati, cum vos persequuntur et exprobrant et dicunt omne malum adversum vos propter iustitiam mentientes etc.* Другая редакція въ „*Tractatus in evangelium Matthaei*“ такая: *beati eritis, cum vos persecuti fuerint homines et exprobrabunt et dicent omne malum contra vos, gaudete etc.* Такое произвольное чтеніе, весьма очевидно, объясняется тенденціей автора объединить 10—12 стихи въ одномъ блаженствѣ, сообразно съ чѣмъ и нужно было или опустить *propter me* или поставить *propter justitiam*.

²⁾ *Beati estis, cum vos odio habuerint homines et maledicentes persequantur, et exprobrabunt et dicent adversum vos omne malum. Gaudete et exultate etc.* (*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Ed. academiae Vindobonensis. Vol. XIV. Luciferi calaritani opuscula, Vindobonae. 1886. p. 285.* Тоже и въ изданіи *Migne. Patrolog. ser. lat., t. 13, col. 1009*).

³⁾ *Clementis alexandrini Stromatum lib. IV, cap. VI. (Patrolog. cursus completus. Migne. Ser. gr. t. VIII, col. 1252).*

ὁ πὸ τῆς δικαιοσύνης, ὅτι αὐτοὶ ἔσονται τέλειαι καὶ μακάριοι οἱ δεδωγμένοι ἔνεχα ἑμοῦ ὅτι ἔξουσιν τόπον, καὶ μισήσωσιν ὑμᾶς, ὅταν ἀφωρίσωσιν, ὅταν ἐκβάλωσι τὸ ὄνομα ὑμῶν ὡς πονηρὸν ἔνεχα τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου. Самому автору несомнѣнно принадлежить первое чтеніе и вѣроятно послѣднее. Соединительное καὶ предъ послѣднимъ, надо полагать, связываетъ его не съ непосредственно предшествующими двумя редакціями какихъ-то τῶν μετατιθέντων τὰ εὐαγγέλια, а съ первымъ чтеніемъ восьмого блаженства, принадлежащимъ самому Клименту, такъ какъ ему, вѣроятно, было извѣстно, что это послѣднее чтеніе есть ничто иное, какъ дословно взятый текстъ изъ евангелія отъ Луки (6, 22), соотвѣтствующій нашему девятому блаженству. Если же допустить, что καὶ относитъ послѣднее чтеніе къ непосредственно предъидущему, то отождествленіе восьмого и девятаго блаженствъ, если его можно видѣть, падаетъ уже не на Климента, а на какихъ-то неизвѣстныхъ «перелагателей» евангелій. Ἐνεκεν ἑμοῦ, читаемое въ третьей редакціи, уже несомнѣнно принадлежатъ не Клименту, а перелагателямъ. При этомъ замѣчательно, что всѣ три чтенія 10 стиха опускаютъ обѣтованіе восьмого блаженства: αὐτῶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν и замѣняютъ его другими: Климентъ-обѣтованіемъ седьмого блаженства, а перелагатели — свободнымъ описаніемъ ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν. Такимъ образомъ, какъ чтеніе propter justitiam вмѣсто propter me есть произвольное чтеніе, такъ и пропускъ послѣдняго есть личное дѣло отдѣльныхъ лицъ. И этимъ лицамъ съ полнымъ правомъ слѣдуетъ противопоставить Оригена, Тертуллиана, Златоуста, Августина, Иеронима и др. (см. Sabatier), которые въ 11 стихѣ читаютъ ἔνεκεν ἑμοῦ.

Не будучи въ состояніи оправдать чтеніе ἔνεχα δικαιοσύνης, комментаторы всетаки не отказываются отождествлять съ нимъ ἔνεκεν ἑμοῦ и вмѣсто текстуальныхъ представляютъ основанія логическія. Всѣ эти основанія заключаются лишь въ томъ предположеніи, что страдать за правду значитъ тоже, что страдать за Христа, потому что какъ бы ни понимать эту правду. центромъ ея для христіанина всегда является Христосъ ¹⁾. Не говоря о томъ, что такое отождествленіе есть не объясненіе текста, а одно субъективное предположеніе, посмотримъ, есть-ли для такого предположенія какія-нибудь объективныя осно-

¹⁾ Arndt., 99; Pözl, 170; Knabenbauer, 195 и др.

ванія въ текстѣ и есть ли какое-нибудь различіе между *ἐνεκα δικαιοσύνης* 10 стиха и *ἐνεκα ἐμοῦ* 11-го?

«Правда», къ которой призываетъ Спаситель на восьмой ступени блаженства, очевидно, не есть частная добродѣтель, требующая воздавать *sum cuique*, потому что за такую добродѣтель не преслѣдуютъ; но цѣлая христіанская жизнь (τὴ ἀγαθὴ ἐν Χριστῷ ἀναστροφὴ ¹⁾), христіанскій образъ мысленія, чувствованій и дѣйствій. А этотъ правильный образъ жизни и дѣятельности, какъ христіанскій, не можетъ опредѣляться однимъ естественнымъ нравственнымъ чувствомъ каждаго. Опредѣляемый имъ, онъ бываетъ эгоистиченъ и въ результатъ по большей части основывается не на нравственномъ чувствѣ, а на внѣшнихъ условіяхъ семейной, общественной и государственной жизни. Эти условія создаютъ кодексъ народныхъ обычаевъ и государственныхъ законовъ, который и опредѣляетъ вѣншее поведеніе челоѣка. Но такая правильность можетъ быть очень невысокаго достоинства. Поэтому, христіанская правда есть та, которая опредѣляется закономъ Христовымъ, цѣлою христіанской религіей. Эта высшая правда есть не только все нравственно — должное, но и религіозно должное ²⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ комментируетъ *δικαιοσύνη* 10 стиха, какъ τὴν ἅπασαν τῆς ψυχῆς φιλοσοφίαν, разумѣя подъ τὴν φιλοσοφίαν всю истинно христіанскую жизнь, или высшее благочестіе. Нельзя оставить безъ вниманія и отсутствіе члена при *δικαιοσύνη*. Это показываетъ, что правда не есть нѣчто одно опредѣленно данное, подобно правдѣ четвертаго блаженства ³⁾. Если алчба и жажда правды (τὴν δικαιοσύνην) понимается въ смыслѣ желанія христіанскаго оправданія или стремленія ко Христу, то правда восьмого блаженства должна быть понята, какъ внутренняя преданность усвоенной религіозно-нравственной истинѣ. Эта правда есть «цѣлая философія души», цѣлое христіанское міровоззрѣніе во главѣ съ живою вѣрою въ Бога. Всецѣлая преданность Богу, по русской пословицѣ: «живи не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ», составляетъ главный характе-

¹⁾ Апостолъ Петръ, говоря о страданіи христіанъ за правду (διὰ δικαιοσύνης), понимаетъ эту правду, какъ „добрыя дѣла“, какъ „доброе житіе во Христѣ“ (I посл. 3, 14—17).

²⁾ С. А. Соллертинскій, стр. 253—269.

³⁾ Хотя нѣкоторые отождествляютъ *δικαιοσύνη* четвертаго и восьмого блаженствъ (*Kainoel, Bispiny, Meyer*), но другіе болѣе справедливо возстаютъ противъ такого отождествленія (*Frilzsche, Lange, Weiss* и др.).

ристическій признакъ христіанской правды, къ которой при- зываются люди восьмою заповѣдію блаженства.

Не забывая впередъ, объ *ἐνεκεν ἐμοῦ* скажемъ лишь то, что сказали сами отрицатели самостоятельности девятого блаженства. Всѣ они согласны въ томъ, что рѣчь девятого *μακάριοι* обращена «спеціально» къ ученикамъ Христовымъ. А потому «ради Меня=потому что вы мои ученики» ¹⁾ «что вы приняли Мое ученіе» ²⁾ и «будете проповѣдывать его» ³⁾. Gratz, желая *ἐνεκεν ἐμοῦ* противопоставить *ἐνεκα δικαιοσύνης*, прямо говорить: «ученики преслѣдуются не за свои добрыя дѣла, но за свое учительство». Нельзя не согласиться съ этимъ, такъ какъ такое отличіе *ἐν. ἐμοῦ* отъ *ἐν. δικαιοσύνης* дано уже самымъ текстомъ. Но если такъ, то возможно-ли говорить, что *ἐν. ἐμοῦ* и *ἐν. δικαιοσύνης* взаимно замѣнимы? Ужели кто-нибудь станетъ утверждать, что изгоняемые за правду изгоняются за учительство и что призванные къ правдѣ призваны къ учительству? До этого не договорился еще ни одинъ западный комментаторъ.

Совершенно вѣрно, что апостольство или учительство есть одинъ изъ видовъ правды, есть также правда своего рода. Но комментаторы остановились на этомъ и тѣмъ покончили дѣло: значить, преслѣдованіе за Христа есть преслѣдованіе за ту же правду. Конечно, Христосъ есть наша правда—*δικαιοσύνη* въ обоихъ смыслахъ этого слова: какъ оправданіе и какъ идеаль добродѣтели. И апостолы, проповѣдуя Христа, такимъ образомъ, страдали за правду. Вѣрно и то, что правда восьмого блаженства, какъ правильный образъ христіанской жизни, имѣетъ центромъ Христа и отдаанность ей есть отдаанность Христу, какъ Богу. Но это такая отдаанность, которая говоритъ лишь о внутренней субъективной качественности души, независимо отъ того, проявляется она во внѣшней дѣятельности по отношенію къ другимъ или не проявляется. Это, можно сказать, есть только глубокая, ничѣмъ неискоренимая вѣра въ Бога и преданность Ему до самопожертвованія. Правду восьмого блаженства лучше всего усвоили и засвидѣтельствовали предъ всѣмъ міромъ христіанскіе мученики. Но прогрессивное развитіе христіанскаго духа не можетъ остановиться на этомъ и неизбежно

¹⁾ Gratz, 294; Achelis, 49.

²⁾ Starke, 84; Kuinoel, 122 и др.

³⁾ Winkelhofer, 136—137.

приводить къ тому состоянію, когда Христосъ Спаситель является не только центромъ, но и *образомъ* жизни и дѣятельности человѣка въ полномъ смыслѣ. Оставивъ все, христіанинъ идетъ за Христомъ и становится на путь христіанскаго Пастырства. Если тамъ, въ восьмомъ призывѣ рѣчь о христіанской правдѣ вообще, воспитываемой внутри человѣка, то здѣсь о правдѣ христіанскаго Пастырства, о той правдѣ, которая не удерживается внутри человѣка, не ограничивается внутреннимъ его совершенствованіемъ, но стремится наружу и выливается въ дѣятельности, направленной къ *распространенію* христіанскаго свѣта. Здѣсь, очевидно, христіанинъ стоитъ уже не на той ступени христіанской жизнедѣятельности, на какой онъ стоялъ въ предъидущемъ блаженствѣ, но на самой *высшей* и слѣдовательно на новой, самостоятельной. Поэтому и ненависть міра, изображаемая въ 11 стихѣ, уже не та, которая сопровождаетъ отдаиность христіанской правдѣ, но гораздо сильнѣе и ожесточеннѣе. Поэтому и обѣтованіе высказано не такъ, какъ прежде: ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν, но особенно одушевленно: Χαίrete καὶ ἀγαλλιᾶσθε, ὅτι ὁ μισθὸς ὑμῶν πολὺς ἐν τοῖς οὐρανοῖς. Уже изъ этихъ двухъ обстоятельствъ можно бы съ правомъ заключить и къ новому высшему предмету блаженства: если ненависть міра обнаруживается преимущественно и въ сильнѣйшей степени на тѣхъ, къ кому обращено девятое μακάριοι и если имъ обѣщается высшая награда, то очевидно и причина того и другого есть особенная и высшая. Все это хорошо сознаютъ экзегеты и потому въ высшей степени странно слышать отъ нихъ, что 11 и 12 стихи представляютъ лишь «раскрытіе» или даже «повтореніе» 10 стиха. И это странно не потому только, что здѣсь читаемъ совершенно новыя черты отношенія міра къ послѣдователямъ Христовымъ и новое обѣтованіе, но и потому, что по мнѣнію самихъ экзегетовъ здѣсь Спаситель обращается именно къ ученикамъ и апостоламъ. Итакъ, уже довольствуясь тѣмъ, что сказали западные комментаторы, надо признать, что εὐσεβεν ἐρμῇ 11 стиха не тоже, что ἐν δικαιοσύνης 10-го и слѣдовательно девятое μακάριοι начинаетъ новую самостоятельную мысль.

Но здѣсь является серьезное затрудненіе ставить эту мысль въ число другихъ заповѣдей блаженства и считать особымъ религіозно-нравственнымъ призывомъ. Если рѣчь обращена специально къ апостоламъ, то не значитъ ли это, что и все девятое блаженство говорить только объ апостолахъ и не

имѣть никакого отношенія ко всѣмъ христіанамъ? За это, повидимому, говорить особая одушевленность рѣчи, принимающая здѣсь субъективную форму. Противъ такого ограниченія достаточно бы указать на то, какъ хорошо замѣтилъ Кнабенбауеръ, что субъективный тонъ проходитъ черезъ всю нагорную проповѣдь ¹⁾. И дѣйствительно, Спаситель прямо обращается къ слушателямъ: истинно говорю *вамъ*... слышати (*ἡκούσατε*), что сказано древнимъ... Я же говорю *вамъ* и т. д. А о всей нагорной проповѣди уже никакъ нельзя сказать, что она относится только къ ученикамъ, а не ко всѣмъ христіанамъ. Не отвергая значенія этого аргумента, мы, однако, не можемъ остановиться на немъ, такъ какъ имъ не объясняется то обстоятельство, почему восемь блаженствъ сказаны въ объективной формѣ, а девятое имѣетъ субъективную и притомъ проникнутую особой торжественностью, патетичностью. Прежде, когда рѣчь была о характерѣ царства Божія, развивающагося въ душѣ человѣка, о свойствѣ всѣхъ его членовъ, она имѣла объективную форму. Теперь же, когда рѣчь приняла субъективный характеръ, очевидно, обращена къ наличной дѣйствительности, которую Спаситель имѣлъ предъ глазами. Несомнѣнно, что высшее христіанское состояніе, къ которому призываетъ Спаситель послѣднимъ блаженствомъ, по своей высотѣ доступно немногимъ. Съ фактической реальной стороны, можно сказать, оно дѣло исключительное, собственное лишь нѣкоторымъ лицамъ, а всѣ вообще христіане далеки отъ этого состоянія. И при Спасителѣ немногіе были близки къ этому состоянію. Только Его ученики и апостолы были той дѣйствительной наличностью, которая начала усвоять и имѣла осуществить въ своей дѣятельности то высшее требованіе царства Христова, которое заканчиваетъ описаніе этого царства. Но эта наличность была таковою не въ силу одного избранія или божественнаго предопредѣленія, а и въ силу внутренней готовности къ этому великому служенію. Правда, Христосъ Спаситель Самъ избралъ ихъ отъ міра и призвалъ на великое дѣло, но это избраніе опредѣлялось не одной божественной волей, но и полной внутренней готовностью. «Вотъ мы (слѣдовательно, сами, непринужденно), говоритъ апо-

¹⁾ Eodem modo loqui pergit per totum sermonem, neque tamen dici potest intergum sermonem ad solos dirigi discipulos. Ergo ex allocutione nihil sequitur pro solis discipulis etc. (p. 197).

столю Петръ, оставили все и послѣдовали за Тобою» ¹⁾. Послѣдовать или не послѣдовать за Христомъ на Его призывъ было въ ихъ полной свободѣ, какъ и богатый юноша, который призывался оставить все и слѣдовать за Христомъ, имѣлъ свободу отойти отъ Спасителя. И мы видимъ, что призваніе апостоловъ было дѣломъ не принужденія, но полного согласія со стороны призывавшихся. «Проходя близъ моря Галилейскаго Иисусъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ и Андрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море; ибо они были рыболовы. И говоритъ имъ: идите за Мною и Я сдѣлаю васъ ловцами челоувѣковъ. И они тотчасъ, оставивъ сѣти, послѣдовали за Нимъ. Оттуда, идя далѣе, увидѣлъ онъ другихъ двухъ братьевъ, Іакова Зеведеева и Іоанна, брата его, въ лодкѣ съ Зеведеемъ, отцемъ, починивающихъ сѣти свои, и призвалъ ихъ. И они тотчасъ, оставивъ лодку и отна своего, послѣдовали за Нимъ» ²⁾ Свобода идти или не идти за Христомъ была оставлена за ними даже и послѣ избранія, о чемъ весьма ясно говорить судьба Іуды. Сами отдавшіе Христу, апостолы были первыми и лучшими представителями христіанскаго Пастырства, имѣвшими посвятить ему всю свою жизнь. Поэтому, вполне естественно было Спасителю обратиться съ своимъ послѣднимъ требованіемъ именно къ нимъ, какъ наличной дѣйствительности, нуждавшейся въ личномъ непосредственномъ назиданіи. Однако, отсюда вовсе не слѣдуетъ, что предметъ девятаго блаженства относится только и исключительно къ апостоламъ и ихъ непосредственнымъ преемникамъ. Это сознаютъ многіе даже изъ тѣхъ, которые лишаютъ девятое блаженство права на его самостоятельное существованіе ³⁾.

Какимъ образомъ приложимо ко всемъ христіанамъ требуемое Спасителемъ Пастырство, это составить задачу дальнѣйшаго. Теперь же въ качествѣ объективнаго подтвержденія

¹⁾ Мѡ. 19, 27; Мр. 10, 28; Лк. 18, 28.

²⁾ Мѡ. 4, 18—22. Лк. 5, 1—11.

³⁾ „То (восьмое блаженство) говорилось вообще о всехъ безъ исключенія, здѣсь же рѣчь обращается специально къ апостоламъ и ихъ преемникамъ, страдающимъ за правду; однако и то относится къ апостоламъ и это ко всемъ, страдающимъ за Христа“ (Paseh. Radb., col. 230). De persecutionibus quidem dubitari nequit quin monitio et promissio Christi ad omnes sdeatet omnibusque fidelibus optime conveniat etc. (Knabenbauer, p. 197; cf. *Starke*, p. 84, Anmerk. 85 и др.

своего положенія укажемъ на параллельное мѣсто въ евангеліи отъ Луки. Здѣсь субъективная форма рѣчи (обращеніе къ ученикамъ) наблюдается не только въ послѣднемъ блаженствѣ, соотвѣтствующемъ разсматриваемому нами, но и во всѣхъ остальныхъ блаженствахъ ¹⁾. И это вполне сообразно съ самымъ дѣломъ, такъ какъ ученики Христовы прежде всѣхъ и можетъ быть лучше всѣхъ усвоили законы царства Божія и прониклись духомъ Христовымъ; а потому и заповѣди блаженства прѣжде всего приложимы именно къ нимъ. Однако, это не значить, что всѣ четыре блаженства Луки имѣютъ въ виду только ихъ и никого болѣе. Это подобно тому, какъ обличительная рѣчь Спасителя книжникамъ и фарисеямъ, которая имѣетъ субъективную форму: «горе вамъ книжники и фарисеи...» и направлена прямо на нихъ, какъ вызвавшихъ самое обличеніе, эта рѣчь имѣетъ полную примѣнимость ко всѣмъ подобнымъ явленіямъ, возможнымъ и среди христіанъ и вполне приложима къ нынѣшнимъ фарисеямъ. Такъ и здѣсь Спаситель обращается къ ближайшимъ слушателямъ, но не потому, что имѣетъ въ виду исключительно ихъ, а потому, что *они* въ то время особенно нуждались въ непосредственномъ личномъ наставленіи. Рѣчь же, все требованіе блаженства, относится ко всѣмъ христіанамъ, какъ одинъ изъ законовъ устрояемаго царства Христова.

Это должно быть признано и по существу дѣла. Если здѣсь, въ девятомъ блаженствѣ, изображается повое, высшее усвоеніе христіанственности, достойное высшей награды,—то оно не можетъ быть привиллегіей однихъ избранныхъ, но должно быть закономъ для всѣхъ. Идеаль совершенства для всѣхъ одинъ и тотъ-же, а прогрессивное развитіе христіанскаго духа, о чемъ говорятъ всѣ заповѣди блаженства, постепенное восхожденіе отъ совершенства къ совершенству не можетъ остановиться на одной какой-либо ступени, но продолжаясь оно должно дойти и до той высоты, которая свойственна христіанскому Пастырству.—И мы видимъ, что Христосъ всѣхъ призываютъ къ высшему совершенству, призываетъ прямо оставить все и идти за Собою. Когда къ Спасителю обратился богатый юноша съ вопросомъ: «что мнѣ дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную» ²⁾ и когда на слова Спасителя о законѣ

¹⁾ „И Онъ возведши очи свои на учениковъ своихъ, говорилъ: блаженны нищіе, ибо *ваше* есть царствіе Божіе“... (Лк. 6, 20).

²⁾ Мф. 19, 16—24; Мр. 10, 17—27; Лк. 18, 18—27.

послѣ довалъ отвѣтъ юноши: «все это я сохранилъ отъ юности моея», то Спаситель сказалъ: «еще одного не достаетъ тебѣ: все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ (=оставь все), и будешь имѣть сокровище на небесахъ и приходи, слѣдуй за Мною» (=будь Моимъ ученикомъ ¹⁾). То высшее совершенство, котораго юноша еще не достигъ и къ которому призываетъ Спаситель, есть такое состояніе, когда человѣкъ, познавши высшее благо, оставляетъ все и всецѣло прилѣпляется къ нему. Это благо есть Христосъ, а всѣ земныя блага для совершеннаго человѣка ничто. Оставляя ихъ, онъ слѣдуетъ за Христомъ. т. е. беретъ на себя Его дѣло и живетъ тѣмъ дѣломъ, какимъ жилъ Спаситель. Что дѣйствительно Спаситель призывалъ юношу къ этому высшему совершенству, видно изъ дальнѣйшаго. По согласному повѣствованію синоптиковъ, непосредственно послѣ отвѣта Спасителя на недоумѣніе учениковъ относительно возможности спасенія, апостолъ Петръ обратился къ Нему и сказалъ: «вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобой», т. е. стали Твоими учениками. А Спаситель на это отвѣтилъ: «всякій, кто оставитъ домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца или мать, или жену, или дѣтей, или земли ради имени Моего ²⁾, получить во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную». Правда, по изложенію евангелиста Матѳея это высшее совершенство ограничено субъективнымъ условіемъ: «если хочешь быть совершеннымъ». Но это вовсе нельзя понимать въ смыслѣ «евангельскаго совѣта», какъ требованіе необязательное для всѣхъ христіанъ.—и не потому, что нравственные христіанскіе законы не предполагаютъ въ царствѣ Божіемъ никакихъ привилегированныхъ состояній, а предлагаютъ для всѣхъ одинъ идеалъ; но потому, что самый текстъ всѣхъ трехъ евангелистовъ представляетъ это совершенство необходимымъ условіемъ царства Божія. Юноша отошелъ, а Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: «какъ трудно (δυσκόλως) имѣющимъ богатство войти въ царство Божіе». И это такая трудность, которая переходитъ почти въ невозможность: «удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царство Божіе». Ученики, понявъ эту трудность въ смыслѣ чрезвычайно слабой возможности, «весьма изумились (по Мар.

¹⁾ Архим. *Михаилъ*. Кн. I, стр. 353.

²⁾ По ев. Мар. „ради Меня и евангелія“, по ев. Лук. „ради царствія Божія“.

«ужаснулись») и сказали: кто же может спастись?» Спаситель ничего не возразилъ на ихъ удивленіе, но отвѣтилъ еще выразительнѣе: «людямъ это *невозможно*, для Бога же все возможно». Признавая такимъ образомъ величайшую трудность христіанскаго совершенства или полнаго слѣдованія за Собою, Спаситель все-таки поставляетъ его необходимымъ условіемъ для вступленія въ царство Божіе. И если люди въ силу привязанности къ своему богатству, т. е. ко всему нажитому внутреннему содержанію и образовавшимся внѣшнимъ условіямъ жизни, по большей части не могутъ дойти до требуемаго совершенства, то это не значитъ, что оно не обязательно для нихъ. Оно настолько обязательно, что безъ него и царство Божіе не можетъ устроиться на землѣ.

Въ числѣ указанныхъ взглядовъ на девятое «блаженны» есть одинъ, по которому 11—12 стихи приносятся въ жертву слѣдующимъ стихамъ. Это мнѣніе, отнимая у словъ самостоятельное значеніе, основывается собственно на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя уже разсмотрѣны нами. Новаго оно привноситъ то, что не присоединяетъ эти слова къ восьмому блаженству, а считаетъ ихъ переходомъ къ дальнѣйшему ¹⁾. А Olshausen и Meyer къ такому переходу причисляютъ и 10 стихъ. Эти стихи (10—12), по мнѣнію ихъ, «не вносятъ никакой новой мысли, а составляютъ переходъ къ слѣдующему, потому что, послѣ полнаго изображенія внутренняго характера чадъ Божіихъ, характеризуютъ ихъ отношеніе къ міру» (Olshausen, 207). Основаніе считать 11 стихъ переходомъ къ дальнѣйшему находятъ въ субъективной формѣ рѣчи, повидимому отдѣляющей ее отъ объективныхъ изреченій о блаженствахъ, а главнымъ образомъ въ томъ предположеніи, что 11 и 10 стихи одно и то же. Но такъ какъ несправедливость послѣдняго для насъ уже очевидна, то первое слишкомъ внѣшнее и формальное основаніе не можетъ обосновывать мнѣніе Schanz'a и другихъ. Разъ при перемѣнѣ рѣчи сказывается новая мысль, которая и начинается даже новымъ *μακάριοι*, форма рѣчи ничего не можетъ говорить въ пользу независимости мысли. Насколько вѣрно, что субъективный тонъ рѣчи связываетъ 11—12 стихи съ слѣдующими (13—16 стихи), настолько же вѣрно то, что *μακάριοι* связываетъ ихъ съ предыдущими (3—10 стихи). Не говоря о томъ,

¹⁾ Schanz, 221; Burger, 50; отчасти Keil, 133.

что вся нагорная проповѣдь сказана въ отдѣльныхъ краткихъ изреченіяхъ — гномологически, а такая рѣчь не нуждается въ связывающихъ фразахъ; не распространяясь и о томъ, что въ рѣчахъ Иисуса Христа нѣтъ фразъ, имѣющихъ одно формальное, служебное значеніе, укажемъ на то, что если субъективность рѣчи считать основаніемъ для пониманія ея въ смыслѣ перехода къ дальнѣйшему, тогда и весь отдѣлъ съ 11 по 16 стихъ нужно считать переходомъ. Но полнѣйшая самостоятельность такой рѣчи, какъ эта или та, гдѣ обличеніе книжниковъ и фарисеевъ, и несогласованіе ея съ дальнѣйшимъ, достаточно очевидна ¹⁾. Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что въ указанномъ пониманіи 11—12 стиховъ находится та плохо сознаваемая истина, что эти стихи стоятъ въ тѣсной органической связи съ дальнѣйшими и отдѣлять ихъ другъ отъ друга невозможно.

Полную гарантію своей самостоятельности девятая заповѣдь блаженства имѣетъ въ самомъ своемъ положеніи въ ряду другихъ блаженствъ. И тутъ противъ девятаго μακάριοι нельзя сказать ничего. Разъ оно поставлено рядомъ съ предъидущими восьмью и его содержаніе построено по той же формѣ, какъ и всѣ предъидущія, т. е. имѣетъ свое особое требованіе и свое особое обѣтованіе ²⁾, то и должно быть причислено къ предъидущимъ, какъ новое девятое μακάριοι. Самостоятельность этого блаженства окончательно закрѣпляется параллельнымъ у Луки. Правда, этотъ аргументъ можетъ быть ослабленъ тѣмъ предположеніемъ, что у Матфея и Луки передается не одна и та же рѣчь, а двѣ, хотя и подобныя, но различныя рѣчи. Такова попытка бл. Августина ³⁾. Не повторяя доказательствъ въ пользу очевиднаго тождества двухъ рѣчей, которое выполнѣ сознано и хорошо обосновано многими экзегетами, укажемъ лишь на то, что этого предположенія не только не принимаютъ, но рѣзко опровергаютъ даже тѣ, для которыхъ оно могло бы оказать хорошую услугу ⁴⁾. Да если и до-

¹⁾ Проф. С. А. Соллертинскій. Пастырство Христа Спасителя, стр. 274—276.

²⁾ Опровергать единичное заявленіе Tholuck'a (p. 113), что девятое „блаженны“ не имѣетъ при себѣ обѣтованія, считаемъ излишнимъ, такъ какъ Tholuck или не далъ себѣ отчета о 12 стихѣ, или тенденціозно умалчалъ о немъ.

³⁾ De consensu evangelistarum (Migne, ser. lat., t. 34, col. 1098—1099).

⁴⁾ Gratz, p. 261—262; Tholuck, § 2, p. 17—19; H. Weiss, Achelis и др.

пустить, что ев. Матѣей передаетъ ту рѣчь, которая сказана на горѣ всему народу. а Лука ту, которая сказана въ равнинѣ однимъ ученикамъ, то и въ такомъ случаѣ полное тождество Мѣ. 5, 11—12 и Лк. 6, 22—23 не можетъ подлежать сомнѣнію. Евангелистъ Лука приводитъ цѣликомъ все девятое блаженство Матѣя. Черты различія настолько неважны, что на нихъ никто не обращаетъ вниманія. А между тѣмъ, по изложенію Луки, это блаженство уже никакъ не можетъ быть понято ни въ смыслѣ тождества съ восьмымъ, ни въ смыслѣ перехода къ дальнѣйшему. Восьмое блаженство у него совершенно отсутствуетъ ¹⁾, а дальнѣйшее также не имѣетъ того, что у Матѣя читаемъ въ стихахъ съ 13-го по 16-ый.

Подводя итогъ всему сказанному, находимъ, что самостоятельность девятой заповѣди блаженства, какъ особаго религиозно-нравственного призыва, опирается на слѣдующихъ текстуальныхъ основаніяхъ: во-первыхъ, усиленіе красокъ, изображающихъ враждебное отношеніе міра къ послѣдователямъ Христовымъ; во-вторыхъ, указаніе новой причины ненависти міра; въ-третьихъ, измѣненіе объективной формы рѣчи на субъективную; въ-четвертыхъ, девятое μακάριοι; въ-пятыхъ, параллельное у Луки *).

Священ. П. Кремлевскій.

¹⁾ Правда, Теофанъ Прокоповичъ въ этомъ именно отсутствіи и видитъ доказательство тождества восьмого и девятого блаженствъ: „все, что у Матѣя сказуется двѣма изреченіи, у Луки заключается единымъ“ (стр. 104). Но на такомъ основаніи пришлось бы лишити самостоятельности и третье, и пятое, и шестое, и седьмое блаженства, на что не рѣшается и самъ Теофанъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки